УДК 327.8 + 329 (100-87)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ЦВЕТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ТЕОРИИ SOFT POWER, УПРАВЛЯЕМОГО ХАОСА И МЕДИАТИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ*

Русакова Ольга Фредовна,
Институт философии и права УрО РАН,
доктор политических наук, профессор,
заведующая отделом философии,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Бочаров Алексей Васильевич,
медиа-холдинг «Регионы России»,
директор департамента,
г. Москва, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: alexboc@bk.ru

Грибовод Екатерина Григорьевна,
Институт философии и права УрО РАН,
аспирант, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: gribovod_kate@bk.ru

Аннотация
Статья посвящена анализу концептуальных основ стратегии цветной революции: концепция soft power («мягкой» силы), теория управляемого хаоса, теория медиатизации политики. Авторы рассматривают цветную революцию как стратегию, направленную на изменение политического режима посредством организации как извне, так и изнутри протестных движений, выступающих в интересах центров геополитического влияния. Даётся описание концепции soft power, а также теории управляемого хаоса как концептуальных основ стратегии цветной революции. Раскрываются основные черты теории медиатизации политики, значимые в реализации цветных революций.

Ключевые понятия:
цветная революция,
soft power,
smart power,
управляемый хаос,
медиатизация политики.

Политические страсти и информационные битвы, развернувшиеся вокруг событий в Украине, вновь заставили политических аналитиков обратиться к феномену цветной революции (в настоящей статье данное понятие используется без кавычек), а точнее – к ее концептуальным основаниям. О практической значимости данных теорий свидетельствует серия цветных революций, проведенных в последние годы на территории бывшего СССР (Грузия, Украина, Киргизия), а также – в ряде стран Северной Африки (Тунис, Египет, Йемен, Ливия).

В современной литературе можно встретить самые различные толкования термина «цветная революция». Весьма распространенной является точка зрения, согласно которой данное понятие представляет собой либо метафору, либо политологический конструкт, применяемый для обозначения некоего суррогата революции. Иначе говоря, те явления, которые обозначаются термином «цветная революция», по мнению ряда авторов, на самом деле революциями не являются, а представляют собой симулякр, имитационный образ, который лишь претендует на звание революции [5]. При этом нередко используется новейший язык СМИ и блогосферы, где цветные революции обозначаются как «фейковые» (то есть, фиктивные) революции [2].

Отказ «цветным революциям» в революционной подлинности проистекает также из соображений, что данные проекты носят искусственный, сугубо прикладной геополитический характер. Они ненастоящие ещё и потому, что инициированы извне, что является способом реализации стратегий вестернизации и американизации, а также связаны с неолиберальным проектом модернизации [4].

Вместе с тем, сегодня уже невозможно отрицать, что цветные революции при всей своей «искусственности» на практике приводят к реальным политическим переворотам и сменам режимов. Иначе говоря, «внешний фактор» вполне действенно срабатывает, поскольку приводит к существенным изменениям как внутриполитической ситуации, так и расклада геополитических сил.

Представление о важной роли внешнего фактора, а точнее – причин, связанных с интересами определенных геополитиче-

*Статья подготовлена при поддержке гранта в рамках конкурсных программ фундаментальных научных исследований, выполняемых по программам тематических отделений РАН. Грант № 12-У-6-1002.

ских субъектов, в происхождении и инициировании цветных революций нашло своё отражение, к примеру, в выступлении Президента РФ В.В.Путина на заседании Совета Безопасности РФ 22 июля 2014 г. Согласно доводам главы государства против стран, которые «стоят на пути чьих-то интересов», применяются дестабилизирующие «так называемые цветные революции, а если называть вещи своими именами, – просто государственные перевороты, спровоцированные и финансируемые извне».

Отмечая принципиальное значение геополитических устремлений в «запуске» цветных революций, В.В. Путин сделал, на наш взгляд, важное замечание о том, что в реализации цветных революций «упор делается на проблемы внутри стран», особенно в «нестабильных» и «несостоявшихся» государствах, с применением радикальных лозунгов национализма, неофашизма, фундаментализма [11].

Следует также отметить, что в ряду основных внутренних причин цветных революций исследователи называют коррупцию, экономическую напряженность, этнические конфликты, недовольство населения своим положением и др. [7, с. 8].

Рассмотрим только три концепции, которые, на наш взгляд, составляют теоретический фундамент стратегии цветной революции. Это концепция soft power, или «мягкой» власти, концепция управляемого хаоса или контролируемой нестабильности и концепция медиатизации политики.

В современном мире одним из главных способов борьбы за влияние становится «мягкая» власть (soft power). Использование инструментов soft power – важная характерная особенность цветных революций.

Концепция soft power в последние годы получила широкое распространение в академических и политических кругах. Её ведущим разработчиком является американский политолог, специалист в области международных отношений Джозеф Най [9]. Под soft power Дж. Най и его многочисленные последователи подразумевают инструменты ненасильственного влияния одних стран на другие, к которым относят стратегии по созданию привлекательных образов стран, формирующиеся в результате их успешной деятельности в различных сферах (экономической, гуманитарной, культурной, политической и т.д.).

В основе теории soft power лежит идея необходимости включения в ресурсную базу политики влияния инструментов властвования, альтернативных силам принуждения и давления, которые обозначаются понятием hard power («жесткая» сила или власть).

В отличие от «жесткой» власти soft power не воспринимается в качестве силы, которая действует извне. «Мягкая» власть – это власть, которая реализуется в форме коммуникативного воздействия, в процессе которого диктуемое извне поведение воспринимается как собственный свободный и добровольный выбор. «Мягкая» сила страны возрастает, когда она привлекает все больше людей в мире своей культурой, идеалами, ценностями, программами.

Концепция soft power, взятая на вооружение США и странами Запада, предполагает, что в состав инструментов «мягкого» международного влияния следует включить такие ценностные аттракторы, как либеральная демократия и высокоразвитая рыночная экономика. Наиболее быстрым и эффективным способом «мягкого» внедрения данных ценностей является цветная революция.

К важнейшим инструментам «мягкой» силы относятся технологии конструирования привлекательных образов посредством дискурсивных средств. Посредством дискурса soft power реализуется власть вдохновляющих смыслов и знаков, позитивно заряженных интерпретаций и названий, привлекательных образов и брендов, развлекательных шоу и культурных акций, общественных перформансов и гуманитарных практик [12].

Одним из дискурсивных способов создания привлекательного образа цветной революции является нейминг, или выбор названия. Важно, чтобы название революции транслировало положительный эмоциональный заряд и ассоциировалось с символическими образами добра, любви, счастья и благополучия. Как правило, революции назывались в соответствии с теми знаками (цветовыми, образными), которые использовались в качестве их главных символов. При выборе названия особо популярной оказалась цветочная символика с её романтичной аурой: «революция роз» в Грузии (2003 г.), «революция тюльпанов» в Киргизии (2005 г.), «васильковая революция» (так предполагалось назвать цветную революцию в Белоруссии). Цвето-цветочный дискурс, собственно, и лег в основу видового понятия «цветная революция».

Определенным теоретико-методологическим продолжением разработки кон-

цепции soft power стало представление о том, что современное искусство политической коммуникации и управления состоит в комбинировании и диалектическом соединении двух типов власти – жесткой (hard power) и мягкой или гибкой (soft power). Сегодня данное диалектическое единство, превращенное в конкретную политической стратегию, обозначается понятием smart power («умная» сила) [15].

Определённые элементы стратегии «умной» силы продемонстрированы властями России в ходе так называемой «Русской весны» в Крыму: на территории полуострова, удивив общественность и журналистов, появились загадочные «вежливые зеленые человечки» без опознавательных знаков, хорошо вооруженные, немногословные и внимательные к нуждам граждан. Впоследствии образ «вежливого человечка» стал символом удачного соединения мягкости в обращении с военной мужественностью.

«Русская весна» стала ответной протестной реакцией на Евромайдан. Возникновение феномена «Русской весны» для западных стратегов было незапланированным событием. Развернувшееся со стороны России и ряда регионов Украины (Крым, Юго-Восток) активное сопротивление новой власти, в отношении которой Запад демонстрировал всяческую поддержку, вызвало своеобразный шок у западных партнёров, уверовавших в эффективность апробированных ранее сценариев цветных революций. Выход из сложившейся непредвиденной ситуации был найден в переформатировании стратегии smart power в направлении такой перегруппировки инструментов «мягкой» и «жесткой» силы, которая характерна для ярко выраженной политики двойных стандартов.

Логика двойных стандартов получила широкое применение в дискурсе новых властей Украины. Так, например, американский политолог Джастин Раймондо отмечает: «Когда лидеры протеста в Украине помогли свергнуть президента, который широко признавался коррумпированным, они стали героями баррикады. Но, заняв места в новом правительстве страны, некоторые из них сталкиваются с неудобными вопросами о своих собственных ценностях и ассоциациях, это не в последнюю очередь предполагаемые связи с неофашистскими экстремистами» [16].

Наряду с концепциями soft power и smart power теоретическим основанием стратегии цветных революций является концепция управляемого хаоса или контролируемой нестабильности. Данная теория получила свою политологическую разработку в американских научных кругах, однако её истоки отчётливо можно обнаружить в работе И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой», вышедшей на Западе в 1979 г. В книге хаос рассматривается как следствие динамической неустойчивости сложных систем [10].

Кроме того, исходные политические интенции концепции управляемого хаоса уходят своими глубинными корнями в политические практики различных исторических эпох. Так, в одном из исследований генезиса теории управляемого хаоса, говорится, что уже в эпоху Римской империи полководцы целенаправленно создавали военно-политический и социально-экономический хаос в будущих провинциях Рима. «Похожие примеры можно обнаружить и в политике империй Чингизидов и Тимуридов в отношении владений русских князей, азиатских султанов, индийских махараджей. Ещё более явным было использование концепции управляемого хаоса в эпоху колониальных империй Нового времени, а также в периоды последних мировых войн» [1].

В североамериканской политической мысли традиционно сильна идея миссионерства. Ее составными элементами являются, во-первых, представления о США как о международном лидере сил мирового общественного прогресса, лидере глобализации; во-вторых, убежденность в необходимости форсированного внедрения демократических начал в иные государственно-политические системы, пребывающие в стадии авторитаризма; в-третьих, рассмотрение системы американских ценностей в качестве универсальных принципов общественного жизнеустройства и обоснование стратегии глобальной американизации [4]. Парадигма миссионерства идеологически оплодотворяет концепцию управляемого хаоса, разработанную американскими специалистами Стивеном Манном и Джином Шарпом.

В своих работах Стивен Манн, эксперт по СССР, России и современному постсоветскому пространству, предлагает отказаться от методологии классического стратегического мышления, которое описывает социальный конфликт в линейных, причинно-следственных терминах, упрощая сложные ситуации, сводя их к нескольким основным вариантам. Нелинейность

означает, что многочисленные политические игроки, вступая во взаимодействие, могут изменять правила игры, что влечёт за собой состояние хаоса. Ситуация хаоса может стать контролируемой, если встать на позиции новой стратегической культуры, опирающейся на теорию нелинейных динамичных систем. Динамичные системы – это системы с большим количеством подвижных компонентов. Внутри динамичных систем существует непериодический порядок.

Традиционные подходы, оперирующие категориями стабильности, по мнению Манна, не позволяют создать динамичную модель процесса распада советской системы. Распространённые в литературе такие понятия, как «сдвиг тектонических плит», «ельцинские популисты», «горбачёвские реформаторы и консерваторы» и т.п. не дают адекватного представления о многообразии факторов раскачивания системы. Напротив, применяя методологию самоорганизующей критичности, можно обнаружить огромное разнообразие акторов процесса дестабилизации советской системы [8].

Накопление хаоса, согласно Манну, создает благоприятную почву для распространения вируса демократии, что, в свою очередь, позволяет внешним силам, заинтересованным в «заражении» такого рода, эффективно управлять конфликтами в нестабильной системе. В глобальном расширении пространственных границ передачи вируса дестабилизации Манн усматривает стратегическое преимущество положения США по обеспечению собственной безопасности и условие усиления американской мессианской мощи.

В работах Джина Шарпа, известного американского теоретика цветных революций, концепция управляемого хаоса перерастает в учение о технологиях осуществления ненасильственного государственного переворота. Наиболее популярные книги Шарпа – «От диктатуры к демократии» (From Dictatorship to Democracy) и «198 методов ненасильственных действий» (198 Methods of Nonviolent Action) – переведены на десятки языков и нередко используются в качестве методических пособий по свержению действующей власти [14]. Сам Джин Шарп лично организовывал и консультировал оппозиционные движения на постсоветском пространстве: «Саюдис» в Литве, «Кмара» в Грузии, «Пора» в Украине, «КелКел» в Киргизии и «Зубр» в Белоруссии. Благодаря усилиям этих организаций был ускорен процесс выхода из состава СССР Литвы в 1991 г., произошло свержение правительства Э. Шеварднадзе в 2003 г., приведён к президентской присяге В. Ющенко в Украине в 2004 г., свергнуты президенты Киргизии А. Акаев (2005 г.) и К. Бакиев (2010 г.).

Шарп утверждает, что рекомендуемая им «ненасильственная борьба намного сложнее и разнообразнее, чем насилие. И народ, и общественные институции используют психологическое, социальное, экономическое и политическое оружие – протесты, забастовки, бойкоты, отказ от сотрудничества, выражение недовольства... В отличие от насилия политическое неповиновение... перекрывает эти источники власти» [14, с. 34].

Отечественные критики концепции управляемого хаоса, в основном, исходят из представлений о разрушительном характере инструментов практического применения данной теории: «Фактически без объявления и широкой огласки была организована нового типа мировая война, в которой применялись средства создания в национальных экономиках и социальной сфере управляемого хаоса...» [6, с. 70].

Представленные выше идейные платформы, составляющие теоретическое ядро стратегии цветной революции, следует, на наш взгляд, дополнить еще одним направлением: концепцией медиатизации политики.

Без установления определённого медийного режима, благоприятного для распространения дискурсов протеста, переустройства общественной жизни, приобщения масс к новым ценностям, без создания позитивного имиджа новых лидеров любая цветная революция обречена на провал.

В основе концепции медиатизации политики лежит представление о медиадискурсе как о властном ресурсе, посредством которого конкурирующие политические силы оказывают влияние на массовое сознание, распространяя идеологическую продукцию в виде медийных образов и текстов [13, с. 151].

Медиадискурсы, функционирующие в политическом пространстве, формируют особую сетевую ткань информационно-символической политической среды. В точках взаимодействий и столкновений различных медиадискурсов создается эффект «медиатизации политики».

Английский исследователь Джон Б. Томпсон был первым, кто стал использовать термин «медиатизация» для обозначе-

ния роли медиа как социального института, транслирующего не просто информацию, а образцы культуры, формирующие современное массовое общество [17, p. 46].

В начале 90-х годов XX века российский аналитик масс-медиа И.И. Засурский ввёл в понятийный аппарат политической науки и коммуникативистики термин «медиатизация политики», под которым подразумевается «процесс, при котором политическая жизнь перемещается в символическое пространство средств массовой информации» [3, с. 29].

В ситуациях политического конфликта и усиления политической нестабильности резко возрастает роль активных акторов, вовлечённых в процесс медиатизации. Как сценарии, так и контрсценарии революционных изменений общества, независимо от того, называются ли они цветной революцией или «Русской весной», стремятся к таким формам медиатизации, которые максимально способствуют утверждению в массовом сознании той политической картины мира, которая соответствует ожиданиям, идеалам, исторической культуре и ценностным ориентирам определённых субъектов революционного движения.

В качестве итогового вывода заметим, что феномен цветной революции не уйдёт в прошлое до тех пор, пока, с одной стороны, мировое политическое пространство будет оставаться конкурентным, и, с другой, – пока не исчезнет соблазн монополизации управления глобальным порядком. Идея цветной революции останется актуальной, пока будут востребованы концепции экспорта демократии и государственных переворотов, стратегии «благотворного» вмешательства извне посредством «мягкой» силы, инструменты организации хаоса и технологии информационно-медийных войн. Вполне вероятно, что в скором времени мы станем свидетелями зарождения новых, концептуально и технологически усовершенствованных моделей внешнего управления революционными политическими процессами.

1. Бялый, Ю.В. Управляемый хаос. Глобальный радикальный ислам в энергетических и транспортных войнах XXI века [Электронный ресурс] / Ю.В. Бялый // ИНТЕЛРОС. 05.02.2011. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reyting_09/material_sofiy/8441-upravlyaemyj-xaos.html (дата обращения: 29.04.2014).

2. Ваджра, А. Фейковая хунта развязала фейковую гражданскую войну [Электронный ресурс] / А. Ваджра // Одесса Антимайдан. 17.04.2014. URL: http://odessa-antimaydan.com/fejkovaya-xunta-razvyazala-fejkovuyu-grazhdanskuyu-vojnu/ (дата обращения: 20.07.2014).

3. Засурский, И.И. Масс-медиа Второй республики [Текст] / И.И. Засурский. М.: Изд-во МГУ, 1999. 272 с.

4. Иноземцев, В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация [Текст] / В.Л. Иноземцев // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 58–74.

5. Кагарлицкий, Б.Ю. Эксперт: «Цветные революции» ничего не меняют [Электронный ресурс] / Интервью Кагарлицкого Б.Ю. // Правда.Ру. 03.12.2013. URL: http://www.pravda.ru/news/world/03-12-2013/1184251-colorrevolution2-0/ (дата обращения: 21.04.2014).

6. Лепский, В.Е. Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития [Текст] / В.Е. Лепский // Информационные войны. 2010. № 4. С. 69–78.

7. Максимов, И.В. «Цветная» революция – социальный процесс или сетевая технология? [Текст] / И.В. Максимов / Монография. М.: Книга по требованию, 2010. 116 с.

8. Манн, С. Теория хаоса и стратегическое мышление [Электронный ресурс] / С. Манн // Сайт С.П. Курдюмова. URL: http://spkurdyumov.ru/what/mann/ (дата обращения: 08.05.2014).

9. Най, Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике [Текст] / Дж. Най. М.: ФСПИ «Тренды», 2006. 224 с.

10. Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой: пер. с англ. [Текст] / под ред. В. И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова / И. Пригожин, И. Стенгерс. М.: Прогресс, 1986. 432 с.

11. Путин, В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности РФ [Электронный ресурс] / Путин В.В. // Официальный сайт Президента РФ. 22.07.2014. URL: http://www.kremlin.ru/news/46305 (дата обращения: 23.07.2014).

12. Русакова, О.Ф. Кратологическая модель дискурса соблазна [Текст] / О.Ф. Русакова // Известия Уральского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2011. № 4. С. 135–145.

13. Русакова, О.Ф. Медиадискурс как концепт дисциплины «политическая коммуникативистика [Текст] / О.Ф. Русакова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. Выпуск 20. № 27. С. 150–160.

14. Шарп, Дж. От диктатуры к демократии: пер. с анг. Н. Макаровой [Текст] / Дж. Шарп. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. 224 с.

15. Ernest, J. Wilson, E. Hard Power, Soft Power, Smart Power [Text] / J. Ernest, E. Wilson // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. March. P. 11-112.

16. Raimondo, J. What Color is Ukraine's 'Color Revolution'? Washington whitewashes Ukraine's brownshirts, 2014 [Electronic resource] / J. Raimondo // Antiwar.com. 12.03.2014. URL: http://original.antiwar.com/justin/2014/03/11/what-color-is-ukraines-color-revolution/ (дата обращения: 29.04.2014).

17. Thompson, J.B. The media and modernity: a social theory of the media [Text] / John B. Thompson: Cambridge: Polity Press, 1995. 314 p.

References

1. Bjalyj Ju. *V. INTELROS,* 05.02.2011, URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reyting_09/material_sofiy/8441-upravlyaemyj-xaos.html (in Russian).

2. Vadzhra A. *Odessa Antimajdan.* 17.04.2014. URL: http://odessa-antimaydan.com/fejkovaya-xunta-razvyazala-fejkovuyu-grazhdanskuyu-vojnu/ (accessed: 20.07.2014) (in Russian).

3. Zasurskij I.I. *Mass-media Vtoroj respubliki* [Mass media of the Second republic]. Moscow, Izdatel'stvo MGU, 1999, 272 p. (in Russian).

4. Inozemcev V.L. *Voprosy filosofii,* 2004, no. 4, pp. 58–74 (in Russian).

5. Kagarlickij B.Ju. Pravda.Ru. 03.12.2013. URL: http://www.pravda.ru/news/world/03-12-2013/1184251-colorrevolution2-0/ (accessed: 21.04.2014) (in Russian).

6. Lepskij V.E. *Informacionnye vojny.* 2010, no. 4, pp. 69-78 (in Russian).

7. Maksimov I.V. *«Cvetnaja» revoljucija – social'nyj process ili setevaja tehnologija?* [«Color» revolution – social process or network technology?] Moscow, Kniga po trebovaniju, 2010. 116 p. (in Russian).

8. Mann S.R. Website S.P. Kurdjumova. URL: http://spkurdyumov.ru/what/mann/ (accessed: 08.05.2014) (in Russian).

9. Nye J. Gibkaja vlast'. *Kak dobit'sja uspeha v mirovoj politike* [Soft power. How to achieve success in world politics] Moscow, FSPI «Trendy», 2006. 224 p. (in Russian).

10. Prigozhin I., Stengers I. *Porjadok iz haosa. Novyj dialog cheloveka s prirodoj* [Oder from chaos. New dialogue of the man with the nature] Moscow, Progress, 1986. 432 p. (in Russian).

11. Putin V.V. *Official website of the Presiden*t of Russia. 22.07.2014. URL: http://www.kremlin.ru/news/46305 (accessed: 23.07.2014) (in Russian).

12. Rusakova O.F. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 3 Series, Social sciences,* 2011, no. 4, pp. 135–145 (in Russian).

13. Rusakova O.F. *Nauchnye Vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, Humanities*, 2013, Issue 20, no. 27, pp. 150–160 (in Russian).

14. Sharp G. Ot diktatury k demokratii [From dictatorship to democracy] Ekaterinburg, Ul'tra. Kul'tura, 2005, 224 p. (in Russian).

15. Ernest J. Wilson E. *Hard Power, Soft Power, Smart Power. T*he Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. March. pp. 11-112 (in English).

16. Raimondo J. *What Color is Ukraine's 'Color Revolution'? Washington whitewashes Ukraine's brownshirts,* 2014. Antiwar.com. 12.03.2014. URL: http://original.antiwar.com/justin/2014/03/11/what-color-is-ukraines-color-revolution/ (accessed: 10.05.2014) (in English).

17. Thompson J.B. *The media and modernity: a social theory of the media. Cambridge: Polity Press,* 1995, 314 p. (in English).

UDC 327.8 + 329 (100-87)

CONCEPTUAL BASES OF COLOR REVOLUTION`S STRATEGY: THEORIES OF SOFT POWER, CONTROLLED CHAOS AND POLICY MEDIATIZATING

Rusakova Olga Fredovna,
Institute of Philosophy and Law,
Ural Brunch of the Russian
Academy of Sciences,
Head of Philosophy Department,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Bocharov Aleksei Vasilyevich,
«Regions of Russia» Media Holding,
Department Director,
Moscow, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: alexboc@bk.ru

Gribovod Ekaterina Grigoryevna,
Institute of Philosophy and Law,
Ural Brunch of the Russian Academy
of Sciences,
Postgraduate Student,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: gribovod_kate@bk.ru

Annotation
This article is devoted to the analysis of the following conceptual bases of color revolution: the concept of soft power, theory of controlled chaos, theory of mediatizing of policy. The authors consider color revolution as a strategy, directed to the changing of political regime by arranging from outside and inside protesting movements. The article gives a review of dirigible chaos theory as a conceptual base of color revolution strategy, presented by S. Mann`s and D. Sharp`s works. By analyzing the theory of mediatization of policy the article reveals the main features of manipulative media discourse and media-informative war as strategy attribute of color revolutions.

Key concepts:
color revolution,
soft power, smart power,
controlled chaos,
mediatization of policy.